

Первоначальный импульс, едва теплившийся в теле, вспыхнул с новой силой, стоило лишь увидеть того, о ком грезил каждую минуту.

Цигуань Янь осознавал, что теряет контроль, но ничего не мог с собой поделать. Протянув руку через подоконник, он коснулся нежной, гладкой щеки юноши и медленно провел пальцами вниз, к самой шее.

Резким движением он притянул Мо Чжияна к себе и, склонившись, впился в его губы. Поцелуй вышел яростным, словно шторм, а в лунном свете все тайные чувства стали прозрачными и ясными.

Этот поцелуй был настоящим грабежом. Когда Мо Чжиян наконец смог перевести дыхание, голова его кружилась от нехватки кислорода, а взгляд был остекленевшим. Черт возьми, с чего вдруг такие страсти?

Юноша перед ним все еще пребывал в прострации, не успев осознать произошедшее, а его влажные, припухшие губы вызвали жгучее желание.

— Ты любишь меня? — Цигуань Янь указательным пальцем дразняще гладил его нижнюю губу, а затем, не зная, чья именно слюна осталась на подушечке, проскользнул в приоткрытый рот, коснувшись кончика языка.

— Люблю, — рефлекторно отозвался Мо Чжиян. Это было то, что требовалось по его роли.

Как он оказался в комнате? Понятия не имел.

Сейчас Мо Чжиян буквально висел на нем, прижатый к окну, обхватив шею императора руками.

Нет, стоп, теперь-то он наконец понял, что что-то идет не так. Боже, как все до этого дошло?

Это совершенно не входило в его планы. Он ведь собирался просто подарить ему лунный пряник на праздник середины осени и прикинуться дурачком, но уж точно не так!

— Обними меня, — Цигуань Янь прижал его ноги к своей пояснице, заставляя обвить себя, и снова впился в его губы, не желая отпускать ни на секунду. Он притирал его к себе, направляясь к императорскому ложу.

Если этот мальчишка — жертва, что ж, пусть будет так. Раз уж он оказался в его руках, то пусть будет что будет! Это был крик души после долгого подавления чувств.

Все эти дни он сдерживался, но страсть, подпитанная тоской и действием снадобья, прорвала плотину, хлынув потоком, готовым утопить их обоих.

Сплетенные тела сбили легкие занавеси, и они вместе рухнули на мягкую постель.

Мо Чжиян вытянул руку в сторону края кровати, мысленно вопя: Я не хочу лишать девственности этого старого хрыча, у-у-у!

Почему у-у? Да потому что его снова целовали.

Словно развернутый лунный пряник — да еще и из ледяного теста, нежный, белый, сладкий — он был так хорош, что Цигуань Янь не мог остановиться, оставляя на его теле множество отметин.

— М-м... слишком быстро, у-у-у! — Мо Чжиян не поспевал за его движениями и был вынужден подчиняться навязанному ритму.

— Умница, позови меня Ваше Величество, — Цигуань Янь, глядя на юношу, который упирался руками в его грудь, не мог налюбоваться тонкой, но крепкой линией его талии.

Мо Чжиян сдался и всхлипнул:

— И-и-и, Ваше Величество, помедленнее...

Это икающее «и-и-и» лишь подлило масла в огонь. Цигуань Янь перевернулся, снова придавливая его к постели, и прошептал:

— М-м, помедленнее.

Сказал-то он так, но тело его было куда менее сдержанным.

Мо Чжиян смотрел на балдахин над кроватью, который ходил ходуном, а потом на этого пса-императора, который тоже двигался слишком быстро. Не выдержав, он закрыл глаза, полные обиды. Почему все так вышло?

Рассвет еще не наступил, а в постели никто так и не уснул, и шелковые занавеси не могли скрыть стонов.

— Ваше Величество, я так устал!

— Умница, еще разок, ладно?

— Но ты говорил так еще два раза назад! М-м-ха... не надо... Ваше Величество!

Мо Чжиян попытался сопротивляться, выставив руку за пределы кровати, но следом тут же последовала большая ладонь, которая перехватила его запястье и затащила обратно.

Я был неправ, я больше никогда не буду смеяться над старыми девственниками. Это возмездие, признается пострадавший, и он горько об этом жалеет.

На следующий день был выходной, и аудиенций не проводилось. Цигуань Янь проснулся от яркого солнечного света, пробивающегося сквозь окно. Опустив голову, он увидел пушистую макушку, уткнувшуюся ему в грудь.

Вспомнив вчерашнюю ночь и то, как юноша всхлипывал, умоляя остановиться, он почувствовал укол совести. Действительно, он был слишком неводержан. Он бережно поцеловал его в макушку, на что тот отозвался сонным стоном:

— Не надо...

Похоже, он его и впрямь до смерти напугал.

Обняв его, император снова закрыл глаза. Давно он не спал так сладко, можно было позволить себе еще немного отдохнуть.

Во дворце Вэйян императрица появилась лишь поздним утром, выбежав из заднего сада в растрепанном виде, и тут же столкнулась с Чуньси, который повсюду искал ее.

Увидев госпожу в таком состоянии, Чуньси опешил:

— Госпожа, вы...!

— Не шуми, живо готовь воду для купания, — Тан Ваньвань небрежно сорвала с волос сухой лист и попыталась изобразить невозмутимость.

Гао Уфэнь все это время ждал снаружи. На самом деле, он уже заглядывал внутрь ранним утром, но, увидев груды одежды на полу, так смутился, что поспешно ретировался.

Тот черный наряд явно принадлежал тайному стражу. Похоже, Ваше Величество... при этой мысли он расплылся в довольной улыбке. Как же хорошо!

Спустя некоторое время из комнаты донеслись тихие звуки. Гао Уфэнь собрался с духом и осторожно приоткрыл дверь:

— Ваше Величество.

Цигуань Янь, сидевший на кровати, обернулся, взглянул на спящего Мо Чжияна и приложил палец к губам, приказывая молчать.

Гао Уфэнь все понял и развернулся, чтобы распорядиться насчет слуг.

Цигуань Янь обулся и встал, но, сделав пару шагов, наступил на что-то странное, похожее на комок земли. Взглянув вниз, он увидел бумажный сверток. Наклонившись, он поднял его — от него пахло лotosовой пастой, как от лунного пряника.

Проснувшись, Мо Чжиян почувствовал, что он — это уже не он. Он остекленевшим взглядом уставился в полог кровати. Тело было чистым, но принадлежала ли ему эта поясница?

Вспомнив вчерашнюю ночь, он внезапно подумал: я ведь до сих пор жив.

— Если ты умрешь, я стану сиротой, папочка-хозяин, — в коде нет места для моральных принципов.

Мо Чжиян наконец пришел в себя и захлопал глазами:

— Сынок, а что с Тан Ваньвань? Вчера этот император-пес вел себя очень странно.

— У нее есть свой источник радости, а у императора — свой.

Системе не нужно было объяснять подробнее, хозяин и так все понял.

Ладно, неважно. Мо Чжиян снова закрыл глаза — он был так измотан, что ему требовалось поспать еще немного.

Цигуань Янь, вернувшись после умывания, пропустил момент его пробуждения, но не стал его беспокоить. Взяв книгу, он сел у кровати и стал переворачивать страницу за страницей.

Мо Чжиян проспал до самого вечера. Когда солнце начало клониться к закату, он наконец открыл глаза и, увидев сидящего рядом императора, протер глаза:

— Ваше Величество?

— Проснулся? — Цигуань Янь, услышав голос, отложил книгу и наклонился к нему.

Мо Чжиян посмотрел на мужчину, подавляя желание проломить его собачью голову. Этот NPC... просто невыносим.

Но, будучи верным тайным стражем, он должен был отреагировать иначе. Мо Чжиян потерся лицом о ярко-желтую подушку и хриплым, мягким голосом прошептал:

— Голоден...

Подожди, пока я наемся, а потом увидишь, как я проломлю твою голову!

Видя его жалкий вид, Цигуань Янь приказал подать заранее приготовленную кашу.

Мо Чжиян чувствовал себя неловко: сам император прислуживает ему. Он послушно пил кашу, которую подносили к его губам.

Его густые ресницы подрагивали, он был таким послушным, что сердце Цигуань Яня наполнялось радостью. Даже простое дыхание юноши вызывало у него восторг.

Он нежданно ворвался в его сердце, став небесным даром, самым дорогим сокровищем.

А сокровище нужно беречь, и если кто-то посмеет на него посягнуть, он разрубит того на куски и скормит псам.

Сбросив маску, он обнажил клыки, чтобы владеть им безраздельно.

Эта каша была такой вкусной! На вид — обычная рисовая вода, но с каким-то особенным свежим привкусом.

Мо Чжиян выпил одну миску и, все еще чувствуя голод, вцепился зубами в ложку, боясь, что его прогонят, и пробормотал:

— Еще.

— Еще? — Цигуань Янь поддразнил его, делая акцент на слове «еще».

При таком раскладе, если он сейчас покраснеет, его могут снова прижать к постели. Ладно, лучше прикинуться дурачком, чтобы не быть «использованным»!

Он с самым серьезным видом кивнул, не выпуская ложку изо рта:

— Еще!

— Твое тело этого не выдержит. Поправишься — тогда и получишь, — Цигуань Янь хоть и дразнил его, но все же велел Гао Уфэню налить еще, а потом, дав выпить еще две миски, побоялся продолжать.

Он взял платок, чтобы вытереть ему рот, но, увидев эти влажные, мягкие губы, не удержался, склонился и впился в них, чувственно проходясь языком по каждому уголку, а затем проникая внутрь.

— М-м... — Мо Чжиян был вынужден приподнять подбородок, у него уже не было сил

сопротивляться.

Кто бы мог подумать, что он, чемпион по продажам среди «белых лотосов», дойдет до того, что будет бояться умереть от рук NPC. Печально и смешно.

Наконец, насытившись «деликатесом», Цигуань Янь сжалился и отпустил его, вытерев рот платком:

— Отдыхай, я скоро вернусь.

— М-м, — послушно кивнул Мо Чжиян. В душе он был готов пасть ниц: проваливай скорее! Уйди, от одного твоего вида у меня начинает болеть поясница!

Цигуань Янь напоследок нежно поцеловал его в лоб и вышел из спальни, приказав Гао Уфэню присматривать за ним, но не шуметь. Ему нужно было в кабинет императора, там оставались дела.

— Папочка-хозяин, вчера вечером было на что посмотреть, жаль, ты не видел, — система так естественно называла его папочкой, что ни капли смущения не чувствовалось.

Наевшись, Мо Чжиян почувствовал сонливость. Вздохнув, он закрыл глаза:

— Заткнись, я посплю.

В кабинете императора собрались высшие чиновники. Цигуань Янь, сидя во главе стола, просматривал донесение о победе с юга.

Министры были озадачены: император выглядел подозрительно довольным, в его глазах светилась радость. Неясно было, из-за донесения или по другой причине, но спросить никто не осмеливался.

— Южное Чу в последние годы постоянно провоцирует нас. Раньше мы не отвечали, потому что это были мелкие пакости, да и повода не было. А теперь они посягнули на шесть уездов Хуайхэ государства Юнь. Теперь, когда мы нанесли удар, от их спеси не осталось и следа.

Цигуань Янь положил указ на стол и обвел взглядом присутствующих, остановившись на левом министре Тан Жuye:

— Господин Тан, что скажете?

— Ваше Величество мудр, — Тан Жуй опустил на колени и склонил голову. Раньше он был против войны, но теперь понял, что император его отчитывает. — Южное Чу — маленькое окраинное государство, его и правда следовало проучить.

Сегодня у Цигуань Яня было хорошее настроение, и он не стал придирается:

— Южное Чу возомнило о себе невесть что, их нужно было проучить. Каждый дюйм земли государства Юнь — наследие наших предков, мы не отдадим ни пяди. Тот, кто посягнет на наши границы, будь то Южное Чу или народ Цян, должен получить такой отпор, чтобы бояться даже приближаться.

— Ваше Величество мудр! — хором воскликнули министры.

Эти лестные речи уже набили Цигуань Яню оскомину, и он махнул рукой:

— Военному ведомству подготовить план укрепления столичных рубежей. Список чиновников, переведенных на внешние должности, я еще рассмотрю. Праздник середины осени прошел, Министерству ритуалов пора готовиться к осенней охоте.

Осенняя охота?

Министр ритуалов удивился: император никогда не любил подобные выезды, но все же поклонился:

— Слушаюсь.

На самом деле Цигуань Янь терпеть не мог такие мероприятия, считая их утомительными, но тот мальчишка мастерски стрелял из лука, наверняка ему понравится на охотничьих угодьях. Решил взять его с собой, чтобы развеяться.

— Свободны.

— Слушаюсь.

Чиновники поклонились и вышли, начав перешептываться сразу за дверью:

— С момента восшествия на престол Его Величество никогда не устраивал осеннюю охоту. С чего вдруг такая перемена?

Спустившись с лестницы, они разошлись. Министр финансов, заметив, что левый министр не в духе, подошел утешить его:

— Господин Тан, вы же знаете характер Его Величества. Есть вещи, которые для него — как удар по больному месту. Вы выступали за мир, но он настоял на войне, вам следовало это предвидеть.

— Издревле гражданские чиновники за мир, военные — за войну, — левый министр погладил свою козлиную бородку и вздохнул. Раньше он думал, что Южное Чу — мелочь, к тому же казна была пуста, вот и выступал за мир, а теперь, похоже, потерял расположение государя.

Вскоре после того, как министры ушли, вошел мужчина средних лет в простой одежде и попросил аудиенции.

— Ну? Что заставило тебя прийти лично? — Цигуань Янь встал, глядя на коленопреклоненного человека. Тот отвечал за всех его осведомителей при дворе и в гареме.

Человек не встал, а, стоя на одном колене, начал докладывать о недавних событиях.

Услышав все, Цигуань Янь изменился в лице. Схватив чернильницу со стола, он с грохотом швырнул ее на пол:

— Семья Тан решила взбунтоваться?!

— Это правда, Ваше Величество. Нужно ли схватить злоумышленников?

Влияние семьи Тан при дворе было огромным. Он сделал Тан Ваньвань императрицей именно из-за их связей, но теперь, хоть они и не были нужны, действовать опрометчиво было нельзя.

Раз они замышляют предательство, оставлять их в живых нельзя. Нужно постепенно подтачивать их силы, а затем вырвать с корнем.

Земля и императорская власть — это то, чего император не потерпит ни в каком виде.

— Нет, следи за ними. Если поймаешь злоумышленника, не докладывай, сейчас не время, — Цигуань Янь махнул рукой, отпуская его.

Посмотрев на чернильное пятно на полу, он почувствовал раздражение:

— Гао Уфэнь, отнеси указы в спальню, я буду работать там.

Когда Мо Чжиян полусонно приоткрыл глаза, ему показалось, что кто-то приподнял одеяло. Он увидел Цигуань Яня в одной нательной рубахе, который залез под одеяло.

Испугавшись, он отполз назад, стараясь держаться подальше, иначе быть беде.

Цигуань Янь, конечно, заметил его ужимки. Ему стало неприятно: мальчишка не хочет с ним сближаться? Он откинул одеяло и лег.

Не заметил? Я еще отползу. Он отодвинулся еще на десять сантиметров — безопасная дистанция. Эх, все еще не заметил, надо еще подвинуться!

— Ой! — в этот раз ему не повезло. Сзади лежала какая-то твердая вещь, и он больно ударился поясницей. Мо Чжиян пошарил рукой и нащупал холодную длинную вещь — это был меч в ножнах.

Что... что этот император-пес делает с мечом в постели?

Цигуань Янь, который все это время наблюдал за его ужимками, усмехнулся и забрал меч:

— Это для моей защиты.

— Есть же я, зачем меч? Я буду защищать Ваше Величество! — Мо Чжиян похлопал себя по груди. Он не врал — в случае необходимости он готов был отдать жизнь, защищая объект своего задания.

Развеселившись, Цигуань Янь бросил меч в сторону:

— Тогда буду полагаться на тебя, но ты сейчас совсем не похож на того, кто готов меня защищать. Иди сюда.

Они лежали под одним одеялом, но между ними был метр расстояния. Мо Чжиян весь закутался, наружу торчала только голова, и он замотал ею, как погремушкой:

— Нет, больше не будем.

— Сегодня не будем, иди сюда, — Цигуань Янь просто хотел обнять его и спокойно поспать.

Для него самого это был первый раз, и то, что он выжил, уже чудо. Стиснув зубы, Мо Чжиян послушно перекатился и оказался в объятиях императора.

Прижав его к себе, Цигуань Янь с облегчением вздохнул. Такого чувства покоя он еще никогда

не испытывал.

Мо Чжиян уткнулся лицом в его грудь и еще раз, для надежности, спросил:

— Точно больше не будем?

Цигуань Янь приподнял его подбородок, чтобы тот посмотрел ему в глаза. Как можно было обмануть такое чистое и наивное лицо? Он поцеловал его в лоб:

— Слово императора. Сказал «не будем» — значит не будем.

Мо Чжиян наконец успокоился, хотя подумал, что этот император-пес — лжец. Вчера он столько раз говорил, что это в последний раз... тьфу!

Ладно, неважно, я спать хочу.

Проспав весь вчерашний день, Мо Чжиян открыл глаза еще до рассвета, но сон не шел. Тихо, чтобы не разбудить того, кто лежал рядом, он выбрался из-под одеяла и в один прыжок оказался на полу.

Босиком, на цыпочках, он поспешил к одежде, оделся, обулся, даже не заплетая волосы, и, подхватив лук и колчан, выскользнул из спальни, используя навыки легкости.

Вскоре после того, как он ушел, Цигуань Янь резко открыл глаза. Почувствовав, что рядом пусто, он сел:

— Гао Уфэнь!

— Ваше Величество! — Гао Уфэнь, сидевший у двери, услышал голос и вполз внутрь, спотыкаясь: — Приветствую Ваше Величество!

Цигуань Янь был раздражен. Откинув полог, он встал босыми ногами на пол:

— Где он?

— Возможно, ушел в дозор, — Гао Уфэнь, дрожа, распластался на полу. Как этот мальчишка ушел — никто не заметил.

Хоть император и был недоволен, он не мог сердиться на него. Цигуань Янь протянул ногу:

— Подавай умываться. Все равно больше не усну.

Мо Чжиян чувствовал, что сбежал из логова дьявола. В тот момент, когда он покинул спальню, он почувствовал, что ожил — два дня на кровати были для него пыткой.

Сидя на крыше и глядя на восход солнца, он жевал мясной пирожок, украденный с кухни. Внизу слышался шум, и, взглянув вниз, он увидел, что император собирается на утреннюю аудиенцию.

Его сопровождало около пятидесяти человек. Система прокомментировала:

— И при этом он еще боится, что его убьют.

— Иногда нож в спину от того, кто рядом, ранит сильнее всего, — Мо Чжиян жевал пирожок, но вкус его вдруг показался пресным.

Система замолчала — не стоило об этом упоминать — и сменила тему:

— Если этот император-пес и правда пес, то точно золотистый ретривер.

— Сынок, да ты растешь над собой, — услышав это, Мо Чжиян выглянул наружу. Император в желтом халате действительно был похож на большого золотистого ретривера.

Убедившись, что хозяин не вспоминает о прошлом, система ответила:

— Еще бы.

Цигуань Янь сидел в паланкине, но постоянно оглядывался по сторонам, пытаясь найти юношу, но так и не увидел его.

Проводив императора взглядом до самого входа в Зал Циньчжэн, Мо Чжиян направился к дворцу Вэйян. Там была стража, так что ничего не случится, но ему нужно было проверить, как там Чэнь Боянь.

Однако, добравшись до дворца Вэйян, он почувствовал неладное. Встав на крыше бокового павильона, он закрыл глаза:

— Двое лишних. Дыхание ровное, движения быстрые — это мастера.

— Золотистый ретривер нашел Чэнь Бояня?

Мо Чжиян открыл глаза и огляделся:

— Кто, кроме императора, может незаметно внедрить сюда людей? Если он уже знает об этом, значит, нам и делать ничего не нужно.

Тан Ваньвань в его глазах уже покойница. Если он не действует, то, возможно, из-за влияния семьи Тан при дворе. Я недооценил императора. В конце концов, человек, держащий в руках власть над всей Поднебесной, не может быть простаком.

Всюду, куда ни глянь — павильоны и террасы, бескрайний императорский город. Здесь, и даже там, куда мы не можем заглянуть, есть руки и глаза императора.

На днях начальник стражи Хэ говорил, что Его Величество собирается реорганизовать охрану дворца. Видимо, он уже знает, кто впустил трех убийц. На самом деле, император-пес знает очень многое.

Даже больше, чем он сам. От этой мысли по спине пробежал холодок:

— В будущем мне нужно быть осторожнее, а то... он меня просто казнит.

— Ты боишься? — усмехнулась система.